

ДИРК КЕМПЕР (МГУ, Москва) ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНА НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИСТИКИ?

Характерная особенность современной немецкой германистики – обращение ее к своей собственной истории. История науки, предполагающая аналитическое самоосмысление науки в ее историческом становлении, представляет собой сегодня – не только в области гуманитарного знания – важнейшую задачу, от решения которой зависит все остальное, в том числе и судьба будущих научных исследований.

Александр Михайлов (1992)⁵¹

Истории науки приходится бороться с предрассудками. Не является ли это непозволительной роскошью – вместо того чтобы заниматься перспективными исследованиями, обращать свой взор назад, чтобы реконструировать историю своей собственной научной дисциплины? Не является ли история научных дисциплин в большей или меньшей степени иррелевантной периферией науки, которую осваивают те из ее представителей, кому не удается добиться успеха в области актуальных исследований? Научная история германистики до сих пор вынуждена иметь дело с подобными подозрениями.⁵² К тому же в отношении новейшей истории науки – германистики, но также и других дисциплин – укоренилось ложное мнение, будто бы она сводится к идеологической, а в конечном счете политически окрашенной полемике против определенных аспектов своей собственной истории, которые ни в коей мере не находятся в центре ее интересов и должны бы больше интересовать специалистов по новейшей истории Германии.

Давление таких же и подобных им предрассудков и ложных представлений ведет к тому, что и германистика России не спешит приступить к научному осмысливанию своей собственной истории. Задача ниже следующих размышлений – противодействовать этому возражению.

История науки представляет собой в настоящее время методологически фундированную дисциплину, необходимый компонент любого научного знания, оказывающий исключительно плодотворное влияние на развитие актуальных исследований во всех, но особенно в гуманитарных областях.⁵³ Во всяком случае она менее всего сводится к критической переоценке и публичному осуждению фактов биографии и профессиональной карьеры отдельных личностей на фоне смены социально-политических систем – пусть даже эта задача и сохраняет свою актуальность в отдельных случаях.

Ниже следующий доклад представляет собой попытку обоснования необходимости истории германистики и тех возможностей, которые она открывает. Первая часть доклада содержит теоретические размышления общего характера, аргументы в пользу исторического самоосмысливания и самоописания любой научной дисциплины; во второй части дается краткий очерк немецкой истории германистики и ее достижений.

⁵¹ Опубликовано в 1995 г.: Michailow 1995, S. 184 f.

⁵² Ср. Boden 2003, S. 14: «Кто ничего не понимает в литературе, занимается историей литературоведения». Ср. также: Steinfeld d.Th.: Neues von der Germanistik. Fremdes Licht // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 9. Sept. 1998; Ср. также: Steinfeld 1997.

⁵³ См. об этом: Krohn 2003, S. 1773.

|

Постоянная рефлексия по поводу своего мышления и творчества является неотъемлемым признаком любой научной деятельности. Этот принцип самонаблюдения и авторефлексии служит не только осознанию собственного образа действий, но и дает возможность его контролировать и корректировать.

Авторефлексия необходима по отношению ко всем конститутивным элементам любой науки, т. е. по отношению к а) ее предмету, б) ее аксиомам и методам и с) ее интересам и целям. В качестве четвертой области следует назвать д) самонаблюдение самой научной системы. Поясним эти требования на примере литературоведческой германистики.

Ad a): Представления о том, что должно быть предметом литературоведческой германистики, претерпели значительные исторические изменения и уже по этой причине нуждаются в осмыслении. В период формирования немецкого литературоведения как науки о литературе Нового времени тесная внутренняя связь этой науки с концепцией «классической немецкой литературы»,⁵⁴ представленной в первую очередь именами Гёте и Шиллера,⁵⁵ была изначально ориентирована на узкое понятие литературы, в которое включалась лишь «беллетристика» и «изящная литература». Тексты, составлявшие предмет литературной науки, должны были отвечать эстетическим критериям «литературности» и «поэтичности», что предполагало имплицитно аксиологический подход и способствовало образованию канона так называемой высокой литературы. Как известно, пересмотр этого понятия литературы начался в западногерманском литературоведении в 60-е гг. XX в. Результатом его стало значительное расширение предмета литературной науки за счет включения в него текстов, относящихся к сфере бытовой культуры и социально-политического дискурса. В настоящее время перед литературоведением, развивающимся под знаком обращения к широкому культурному контексту (*Kulturwissenschaft*),⁵⁶ стоит задача заново определить свой предмет и либо выйти за рамки понятия «текст», включив в сферу изучения целые семиотические системы культурно-исторических формаций, либо соответствующим образом пересмотреть само понятие текста. Во всяком случае область литературоведческих исследований является сегодня не только предметом дискуссии, но и самостоятельным предметом изучения, которому посвящаются специальные работы.⁵⁷

Ad b): Методологическая рефлексия имеет в рамках литературоведческой германистики наиболее прочную традицию. Разнообразные герменевтические подходы, а также методы в текстологии и многих других областях литературоведческого исследования уже в XIX в. были предметом плодотворных дискуссий, подготовивших почву для их самоосмысливания. Правда, в течение длительного времени этой рефлексии недоставало критической остроты и глубины, ибо нечасто случалось, чтобы при обсуждении той или иной методоло-

⁵⁴ Ср. Voßkamp 1993; Kruckis 1994.

⁵⁵ Ср. Nutz 1994; Gräfe 1994.

⁵⁶ Следует подчеркнуть, что немецкое понятие *Kulturwissenschaft* ни в коей мере не тождественно русскому «культурология». Речь идет об ориентации на культурный контекст. Дело в том, что культура – вслед за русской семиотикой – понимается сегодня как комплексная семиотическая система, объединяющая явления определенной культуры или ее слагаемых, среди которых литература представляет собой один из кодов, но не единственный код. Отсюда следует, что явления литературы должны изучаться не изолированно, но в ансамбле со всеми явлениями культурной системы. Тем самым литературоведческое поле исследований становится значительно шире. Предмет литературоведения этим отнюдь не «размывается». Оно остается наукой о литературе, но контекст изучения литературы заметно расширяется. Так, «Вертер» Гёте может изучаться в его отношении к стилистике «Бури и натиска» и сентиментализма; но при ориентации на культурно-исторический контекст он выступает еще и как свидетельство глубокой эволюции в культурном сознании общества и индивида, вызвавшей к жизни современную концепцию личности, а в связи с этим и современное, специфическое, связанное с эпохой модерна понимание юношеского чувства. См.: Kemper 2004.

⁵⁷ Ср. Rosenberg 1990; 2000; 2003; Weimar 2000.

гии ставились под сомнение ее фундаментальные аксиомы. Вследствие этого недостатка еще и в XX в. появляются методы, претендующие на абсолютную истинность и неоспоримое значение, причем эта претензия наиболее радикальна в тех случаях, когда научный метод расценивался как элемент всеобъемлющей идеологической концепции.

Между тем в науках гуманитарного цикла, как, впрочем, и во всем опирающемся на опыт естествознания, метод ни при каких условиях не может быть «истинным» или «неистинным», но всегда обладает конкретным эвристическим значением. Метод по существу не подлежит оценке по шкале «истинно/ложно»; критерием оценки метода всегда должна служить его продуктивность, его способность обеспечивать получение запланированных результатов литературоведческого труда. Продуктивность или непродуктивность метода – вот единственная разумная дилемма в отношении методологии.

Именно отсюда происходит западная (с русской точки зрения) концепция плурализма методов, менее всего представляющая собою беспринципный эклектизм. Многообразие познавательных целеус-становок (историко-социальная, историко-ментальная, структуральная, эстетическая и проч.,) влечет за собой применение различных методов, которые могут быть в зависимости от цели познания продуктивными или непродуктивными. Иными словами, метод имеет значение и функцию инструмента. И так же, как в любом ремесле мастер должен владеть всеми инструментами, которые лежат у него в рабочем ящике, так и литературовед должен уметь пользоваться разными инструментами, целым их ансамблем.

Ad c): Интересы и цели познания имеют место не только на уровне метода, но и на уровне всей науки в целом или отдельных дисциплин, ее составляющих. Немецкая система школьного образования сложилась в 80—90-е гг. XVIII в., когда в Пруссии возникли и получили обоснование различные типы школ (гимназия, реальное училище и т. д.). Важнейшим критерием типологизации являлась последовательность изучения языков. Едва ли не до середины XX в. в гимназиях в качестве первого по порядку иностранного языка изучался древнегреческий, а второго – латынь; наряду с этим центральная роль отводилась преподаванию немецкого. Основанием для столь высокого статуса и преимущественного изучения немецкого языка и литературы, латыни и греческого служила концепция их общезначимой образовательной функции, которую разработал, в том числе в аспекте философии языка, Вильгельм фон Гумбольдт, реформатор немецкого школьного образования. Прусская гимназия должна была не готовить к какой-либо определенной профессии, но способствовать общему формированию личности учащихся (Гумбольдт писал о «благороднейшей цели – наивысшей, наиправороднейшей форме образования»⁵⁸ и после этого выдавать человеку аттестат зрелости (введенный незадолго до 1800 г.). На этой основе и были затем определены цели филологического образования германистов; главной задачей была подготовка учителей, способных выполнять высокую миссию воспитания личности. Вот почему социальный престиж гимназического профессора в Германии до настоящего времени выше, чем в других европейских странах. Радикальная смена парадигмы происходит лишь в 60—70-е гг. XX в. Эпоха национал-социализма и консервативная политика Федеративной Республики настолько скомпрометировали идею гуманистического воспитания, что реформаторы, не только на левом фланге политического спектра, видели свою задачу в том, чтобы заменить его преподаванием политически ориентированных социальных дисциплин.⁵⁹

К числу достижений истории науки следует отнести анализ развития отдельных отраслей германистики с точки зрения эволюции их познавательных целей. Таковы выдающиеся работы Юргена Формана и Вильгельма Фоскампа по литературной историографии XIX в.

⁵⁸ Humboldt W. von: Über das Studium des Althertums, und des Griechischen insbesondere // Humboldt 1963. Bd 2. S. 7.

⁵⁹ Cp.: Vietta, Kemper 2000.

с исторически обусловленной задачей служить национальному самосознанию немецкого народа и способствовать формированию национального государства.⁶⁰

Ad d): К числу непозволительно запущенных областей авторефлексии относится само-наблюдение системы германистических дисциплин над своим собственным развитием, а также анализ роли этих отдельных дисциплин в рамках системы наук в целом. Приведем лишь два примера. Германисты публикуют результаты своих исследований на определенном языке, на языке науки, предполагающем особую стилистику и характер оформления мысли, наиболее отвечающие задачам науки. Но кто обучил германистов этого языку? Стилю научной прозы не обучаются сегодня ни в университетах Германии, ни, насколько я знаю, в университетах России. И тем не менее мы все этим языком в большей или меньшей степени владеем. На вопрос, откуда у нас эти знания, ответить довольно просто: мы научились этому путем подражания, не задумываясь над тем, как мы это делаем. Здесь нет ничего индивидуального, скорее нечто типическое. Так же и другие языковые коды – например, обусловленные социально, регионально, функционально, требованием той или иной общественной роли, – и правила построения дискурсов усваиваются путем имитации. Однако ученному надлежит сделать язык своей специальности объектом наблюдения и рефлексии, ибо этот язык детерминирует как содержание знаний, так и возможности и границы их передачи. Наилучшим способом осознать эту проблематику является историческая рефлексия по поводу всего этого комплекса взаимообусловленностей как части истории науки – и первые работы такого плана уже имеются.⁶¹

Подобным же образом обстоит дело и в случае со вторым нашим примером – стратегией и тактикой построения научной карьеры в германистике, того, что обозначается в англо-американской традиции выражением *publish or die*. Те, кто принимает участие в этой конференции русских германистов, уже доказали, как правило, насколько они владеют такой стратегией и тактикой. Построение карьеры только на первый взгляд кажется моментом, внутренне не связанным с содержанием германистики как науки. В действительности этим во многом определяется содержательное наполнение исследований – факт, на который применительно к русской германистике ясно указывает Александр Михайлов.⁶² С этой точки зрения только историко-научное осмысление указанных взаимосвязей позволяет дать обоснованную оценку существующих ныне научно-исследовательских структур и на первый взгляд «классических» литературоведческих школ и результатов их деятельности.

Уже эти, почти произвольно выбранные примеры показывают, насколько сложна общая система правил и законов дискурса, определяющих работу германиста, и насколько разнообразны метадис-курсы (например, метадискурс восприятия науки в отражающей мнение общества публицистике), на эту работу влияющие.

История науки – мои краткие размышления были призваны это хотя бы наметить, – область, намного более сложная и запутанная, чем это представляется ее скептически настроенным критикам. Она отнюдь не исчерпывается историей великих открытий, «великих людей» или историей школ и методов. В нее должны быть включены многие отвечающие современным требованиям области, разработка которых предстоит и русским германистам: история возникновения институтов и германистических учреждений, история формирования габитуса германиста и профессиональной специализации германистического образования, история социальных функций германистики и обретения ею своего места в ряду других наук. Все эти вопросы актуальны в настоящее время, но современникам и участником происходящих в германистике процессов анализировать их намного труднее, чем тем, кто

⁶⁰ Ср.: Fohrmann, Voßkamp 1987; 1991; 1994.

⁶¹ Ср.: Weimar 1993. – Далее Lammert 1993, S. 20.

⁶² Michailow 1995; см. последний абзац данной статьи.

увидит их в исторической ретроспективе, которая одна способна предоставить необходимые критерии для сознательной оценки нашей современности.

II

Каково значение истории науки для сегодняшней германистики, призван показать ниже следующий краткий обзор этой частной дисциплины в Германии. Автор отдает себе отчет в том, насколько этот обзор предварителен и далек от полной истории германистических исследований, в которой наша наука испытывает настоятельную потребность; пока же нам приходится ограничиться отдельными замечаниями по поводу отдельных этапов ее становления.

Начальная стадия осмысления

История германистики, сложившаяся как самостоятельная научная дисциплина лишь в 60-е гг. XX в., была подготовлена рядом предшествующих исследований. Таковы прежде всего вышедшая в рамках серии «История немецкой научной мысли» книга Рудольфа фон Раумера «История германской филологии, по преимуществу в Германии» (1870), «История германской филологии» (1891) Германа Пауля, незавершенная «История немецкой науки о литературе до конца XVIII столетия» (1920) Зигмунда фон Лемпицкого и, наконец, «История германской филологии» (1957) Йозефа Дюннингера.⁶³

Особого внимания заслуживает работа Лемпицкого, не только в силу блестящей эрудиции этого ученого, но и потому, что она во многом предопределила подход к описанию истории науки.⁶⁴ Лемпицкий задается вопросом о том, почему многовековые занятия немецкой литературой привели в какой-то момент к формированию отдельной научной дисциплины, т. е. ставит вопрос о причинах формирования в рамках германской филологии самостоятельной науки о немецкой литературе. Уже такая постановка вопроса – интерес к происхождению науки или, говоря современным языком, к условиям ее дифференциации – существенным образом отличает подход Лемпицкого от предшествующей традиции *history of science*, сложившейся в естествознании и в медицине. Расцвет этой традиции в XIX в. был связан с появлением большого числа научно-популярных сочинений, сводившихся к описанию истории великих научных открытий и судеб героев науки, ученых, совершивших такие открытия в области медицины, химии и т. п. Исходя из современного уровня научных знаний, авторы подобных сочинений конструировали соответствующую им предысторию, призванную подтвердить концепцию линейного прогрессивного развития. Лемпицкий от этой тенденции сознательно отказывается, намеренно акцентируя тот факт, что любая историография – в том числе и его собственная – находится в неизбежной зависимости от концепции истории, господствующей в данном обществе.

Модель историографии, предложенная Лемпицким, включает четыре фазы развития. «Ростки» немецкой литературной науки появляются, по его мнению, в Средневековье, крепнут и развиваются в ренессансной филологии эпохи гуманизма и Реформации; «предпосылки» же ее складываются в литературоведении XVIII в. до Гердера включительно. Третий этап – «основоположение» в культуре романтизма и четвертый – «разработка» в обобщающих трудах Георга Готфрида Гервинуса и Вильгельма Шерера—Лемпицкий рассматривал во втором томе своего исследования рукопись которого, почти законченная, пропала в годы войны после того, как автор ее, профессор Варшавского университета, был расстрелян в 1943 г. в концентрационном лагере Освенцим. Работая над вторым томом, Лемпицкий созна-

⁶³ Полное заглавие в списке литературы.

⁶⁴ Ср. Weimar 1989, S. 9: «Название этой книги – дань уважения Зигмунду Лемпицкому».

тельно довел свое исследование лишь до конца XIX в.; филологию своего времени он из рассмотрения исключил.

В плане концептуализации материала Лемпицкий очерчивает четыре круга вопросов.⁶⁵ Во-первых, он прослеживает историю литературной науки по линии дифференциации от а) полигисторства и б) истории всеобщей литературы к с) истории национальной литературы и д) истории поэзии до е) истории жанров. При этом он в качестве одного из приемов описания уже включает историю понятий. Во-вторых, он тематизирует положение науки о литературе в комплексе «наук о духе» (*Geisteswissenschaften*) и ее отношение к науке вообще. Особенно выразительно показывает он процесс внедрения в гуманитарную сферу естественнонаучного «натурализма», который «науки о духе» пытаются адаптировать в форме аналогий.

«Тремя последовательными ударами внедряется этот методологический натурализм в науки о духе, оставляя свои следы и в области естествознания. Сначала в форме механистических аналогий, характерных для XVII столетия, когда, с одной стороны, пытались объяснить сущность исторических явлений исходя из климатических условий (Дюбо, Монтецье, Тампль, Уоттон, Бодмер, Гердер), а с другой, рассматривали психическую жизнь по законам механики (картизианская теория аффектов). Затем Шефтсбери, Гёте, Гердер и романтики применяют к изучению литературных произведений аналогию динамико-органическую. Наконец, следует аналогия биолого-эволюционистская, овладевающая сознанием ученых в эпоху позитивизма, когда она определяет, например, концепции Тэна, Шерера, а с другой стороны – жанровую теорию Брюонетьера».⁶⁶

В качестве третьего круга проблем выступает у Лемпицкого комплекс отношений между литературой / литератором и литературной наукой / ученым-литературоведом, с акцентом на так называемой коренной эпохе (*Sattelzeit*) 1750–1850 гг.,⁶⁷ когда связь эта была особенно тесной, что подтверждается многочисленными примерами двойной специализации с обеих сторон (Гёте, Вакенродер, Тик, Фр. Шлегель, Авг. Вильг. Шлегель, Брентано, Арним и др.). Наконец, в-четвертых, Лемпицкий намечает практический принцип организации материала, обосновывая его в полемике с Гердером.

Мюнхенский конгресс германистов 1966 г. – расчет с национал-социализмом

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что конгресс германистов, состоявшийся в 1966 г. в Мюнхене, явился знаменательной вехой в истории германистики и важным импульсом для дальнейшего ее развития. Карл Отто Конради, один из инициаторов историко-научного анализа эпохи национал-социализма на мюнхенской конференции, позднее вспоминал: «„Союз немецкой высшей школы“, в том числе входившее в его состав „Объединение немецких германистов-преподавателей высшей школы“, т. е. репрезентативная организация германистов и преподавателей ФРГ пошла (вынуждена была пойти) на проведение публичного форума, участники которого дали критическую и самокритичную оценку исторического развития своей дисциплины, не сумевшей пережить эпоху национал-социализма без значительных потерь и, как подчеркивали наиболее радикальные критики, не сумевшей закономерно, в силу ярко выраженных тенденций, наметившихся уже в XIX в. После мюнхенской конференции 1966 г. критический анализ исторического пути немецкой германистики с ее взглядами на язык и литературу перестал быть делом одиночек и был поставлен на повестку дня для широкого обсуждения, которое, пусть некоторыми только на словах, было признано неизбежным и необходимым. Закономерным следствием этого стало развенчание германистики как галереи предков сnimбом над головами, по которой полагалось прохо-

⁶⁵ Ср. введение в кн. Lempicki 1968, особенно S. 4—13.

⁶⁶ Ibid., S. 6.

⁶⁷ Понятие *Sattelzeit* получило в последние годы чрезвычайно широкое распространение не только в литературоведении, но и в других гуманитарных науках. См. об этом: Kosellek 1972, S. XIII–XV). В связи с этим об эпохе модерна в литературоведении см.: Kemper, 2003.

дить, почтительно раскланиваясь во все стороны. Конечно, нашлось немало людей, которые хотели бы (и хотят до сих пор) сохранить этот обычай, чтобы поддержать уверенность в своих действиях и в надежде, что когда-нибудь и они сами будут причислены к лицу святых и сподобятся такого же почитания. Но по существу попытка избавиться от иллюзий и трезво подвести итог исторического развития своей науки означала для германистов постановку вопроса о смысле собственной деятельности, об условиях дальнейшего существования германистики как науки, тесно связанной с судьбой всего общества».⁶⁸

В этой статье Конради подробно рассказывает о трудностях, сопровождавших подготовку Мюнхенского конгресса, и из его воспоминаний следует, что академическая германистика обратилась к критическому самоанализу под давлением общественного мнения, ее вынудили к этому, с одной стороны, журналисты, с другой — младшее поколение ученых, поколение учеников.

На самом Мюнхенском конгрессе принципиальное значение имели прежде всего доклады Эберхарда Леммерта («Германистика — немецкая наука»⁶⁹) и Карла Отто Конради («Немецкое литературоведение и Третий Рейх»⁷⁰). По мысли Леммерта, западногерманская германистика в лице ее ведущих представителей (Вольфганг Штаммлер) продолжала ориентироваться на тот же когнитивный идеал, который был выдвинут в эпоху национал-социализма (Хенning Бринкман⁷¹), а именно стремилась быть «наукой о духовной жизни немецкой нации».⁷² Развивая этот тезис, Леммерт подверг критическому анализу восходящую к Гердеру и Шиллеру литературоведческую аксиому, согласно которой «в основе германской культуры лежит некая неизменная духовная сущность, и немецкий язык есть единственный адекватный орган, способный ее выразить».⁷³ Он убедительно показывает, как на основе этого убеждения менялась политическая и идеологическая функция германистики: если около 1848 г. она еще служила утверждению идеи либерализма, то после 1871 и еще отчетливее после 1918 г. ее идеологическим заданием стало оправдание «тоталитарного национального государства» как абсолютного воплощения германского духа.⁷⁴ Вывод Леммерта гласит: «Уже с давних пор, но в нашем столетии особенно решительно, а в конце концов и неистово настаивала германистика на своем предназначении быть „немецкой наукой на службе немецкого народа“»⁷⁵, следствием такой самооценки явилась тенденция рассматривать германистику как научное мировоззрение, унаследованное функцию теологии и философии. Предпосылкой этого служило повышенное понимание поэзии как органа абсолютной истины, способного возвещать ее непосредственно, подобно религиозному откровению».⁷⁶

В результате своих размышлений Леммерт приходит к требованию «вернуть» германистику на путь «непритязательной специальной дисциплины, объединяющей в себе лингвистику, историю литературы и литературную эстетику»⁷⁷ и, освободив ее от этико-религиозного балласта, от роли «немецкой сверхнауки», придать ей — также и в области изучения истории языка — характер современной отрасли научного знания, включенной в ансамбль соседних филологических наук.

⁶⁸ Conrady 1988, S. 126–127.

⁶⁹ Lammert 1967; Lammert 1966.

⁷⁰ Conrady 1967.

⁷¹ Brinkmann 1934, S. 28.

⁷² Stammller 1962, S.V.

⁷³ Lammert 1967, S. 16.

⁷⁴ Lammert 1967, S. 22. Цит. по: Vietor 1933, S. 343.

⁷⁵ Vietor 1933, S. 343.

⁷⁶ Lammert 1967, S. 29.

⁷⁷ Lammert 1967, S. 34.

Взгляды Леммерта и Конради, высказанные ими на конгрессе 1966 г., оказали значительное влияние на дальнейший ход дискуссии. Они не только дали импульс осмыслению судеб германистики в эпоху национал-социализма, но и показали, что такое осмысление, коль скоро оно не хочет ограничиваться разоблачением персональных ошибок и прегрешений, возможно лишь в широком контексте истории науки.

В 1972 г. был организован «Центр по изучению истории германистики» при Немецком литературном архиве в Марбахе, в 1988 г. сформировалась «Марбахская группа по изучению истории германистики». Они провели ряд конференций и симпозиумов на тему национал-социалистического прошлого в области германистики, важнейшим из которых стал симпозиум 1993 г. Его результаты нашли отражение в сборнике материалов «Смена вех. Литературоведческая германистика до и после 1945 г.», подготовленном Вильфридом Барнером и Кристофером Кёнигом. По мнению организаторов, это было «первое крупномасштабное обсуждение данной проблемы».⁷⁸

За четверть века, прошедшую после Мюнхенского конгресса, исторические условия, в которых проходило это обсуждение, претерпели значительные изменения. Прежний полемический запал остыл, и это открыло возможность более объективного научного подхода. Поскольку к этому времени большая часть старых профессоров уже вышла на пенсию, с истории науки снято было подозрение в том, что она «занимается не научным исследованием, а сведением личных счетов».⁷⁹ Если в 1966 году муссировался лозунг «отцеубийства» – в актуальном для 60-х гг. смысле борьбы поколений, – то в 1993 г. речь об этом уже не шла. Сам Эберхард Леммерт признал теперь, что поднявшаяся в 60-е гг. «волна идеологической критики, в то время неизбежная и необходимая»⁸⁰ задерживала развитие систематических научных исследований в области истории науки.⁸¹ На смену идеологической критике приходит «научная точность и трезвая деловитость», «по сравнению с 60-ми и даже с 70-ми гг. исследования в области истории науки получили столь широкое распространение и обрели столь отчетливые организационные формы, что и этот труднодоступный предмет изучается теперь на основе специальных знаний и методического опыта».⁸² Там, где раньше преобладала персональная критика, зарождается новая концепция самоописания науки,⁸³ которая развивается с учетом выдвинутой Вильгельмом Фоскампом проблемы противоречия между политико-идеологическим переломом 1945 г. и непрерывностью развития научной мысли на личностном и институциональном уровнях. Соответствующий дифференцированный подход характеризует и работы, посвященные анализу истории германистических учреждений и журналов, историко-литературной и эдиционной методологии, эволюции литературного канона или автобиографической рефлексии ученых-литературоведов.

Как показывают Хольгер Дайнат и Лутц Даннеберг, издатели сборника «Литературоведение и национал-социализм» (2003), история германистики прошла путь «от идеологической критики к полипер-спектвизму» (к таким темам, как история организаций, институтов, форм познания, деятельности и достижений ученых-германистов).⁸⁴ Младшее поколение исследователей обнаруживает наибольший интерес к «неброскому пространству между крайностями, к едва заметным переходным явлениям и сдвигам, в силу которых обычные профессора могли становиться опорой преступного режима, а затем парламентской

⁷⁸ Barner, Konig 1996a, S. 10.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Cp. Greß 1971; Reiß 1973; Muller, Jorg Jochen 1974.

⁸¹ Lammert 1993, S.10. Cp. Lammert 1974, S. 665 f.

⁸² Barner, Konig 1996a, S. 11.

⁸³ О том, что персональная критика литературоведов, компрометировавших себя связями с нацизмом, не утратила, тем не менее, своего значения, свидетельствует работа: Gaul-Ferenschlild 1993.

⁸⁴ Dainat, Danneberg 2003. Цит. по: Dainat 2003, S.7.

демократии или же диктатуры другого типа. Интерес исследователей смещается тем самым от утверждений общего характера к эмпирическому анализу литературоведческих структур и механизмов выбора решений».⁸⁵ Следует отметить, что особенностью этого издания является включение в сферу анализа иностранной германистики (две статьи посвящены французской германистике эпохи национал-социализма) и расширение проблемы прерывности / непрерывности благодаря привлечению темы «нацистский режим и ГДР».

Несмотря на тенденцию к объективному исследованию взаимоотношения германистики и национал-социализма, эта тема все еще продолжает оставаться в центре общественного внимания и публицистического дискурса, о чем свидетельствует оживленная дискуссия по поводу членства в национал-социалистической партии ведущих представителей послевоенной германистики, прошедшая в средствах массовой информации в 2003 г., после выхода в свет «Международного словаря германистов, 1800–1950».⁸⁶ Причиной дискуссии явился тот факт, что, как выяснилось, ряд известных представителей западногерманской германистики, выступавших в послевоенные годы как поборники ее обновления, состояли в годы фашизма в национал-социалистической партии.⁸⁷

Самостоятельную линию в изучении истории германистики в эпоху национал-социализма разрабатывает тюбингенский лингвист Герт Симон, организатор «Тюбингенского общества по интердисциплинарным исследованиям» (немецкая аббревиатура GIFT).⁸⁸ По утверждению Симона, в распоряжении его группы находится «около 5 миллионов рукописей из более чем 70 архивов» и «никто другой не располагает таким количеством неопубликованных архивных материалов по теме „Языковедение в Третьем Рейхе“».⁸⁹ Поскольку исследования группы Симона с ее лингвистической ориентацией, в частности серия «Словари Третьего Рейха», представляют особый интерес для русских германистов, ниже мы приводим названия вышедших до настоящего времени изданий, подготовленных этой группой:⁹⁰

- Lerchenmüller J., Simon G. u. a. *Im Vorfeld des Massenmordes. Germanistik und Nachbarfacher im 2. Weltkrieg: Eine Übersicht.* 3. Aufl. Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1997.
- Simon G. *Germanistik in den Planspielen des Sicherheitsdienstes der SS. 1. Teil.* Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.
- Simon G. *Die hochfliegenden Pläne eines „nichtamtlichen Kulturministers“.* Erich Gerlachs «Sachwörterbuch der Germanenkunde». (= Wörterbcher im 3. Reich; 1). Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.
- Simon G. *Blut- und Boden-Dialektologie. Eine NS-Linguistik zwischen Wissenschaft und Politik.* (= Wörterbcher im 3. Reich; 2). Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.
- Simon G. «Art, Auslese, Ausmerze...» Ein bisher unbekanntes Wörterbuch-Unternehmen aus dem SS-Hauptamt im Kontext der Weltanschauungslexika des 3. Reiches. (= Wörterbcher im 3. Reich; 7). 2. Aufl. Tübingen, 2002.

Более подробную информацию о работе группы Симона можно почерпнуть из материалов дискуссии между Фолькером Михелем и Гертом Симоном.⁹¹

⁸⁵ Dainat 2003, S. 8.

⁸⁶ Цит. по: Konig 2003.

⁸⁷ Ср. резюме дискуссии на эту тему в *Fachdienst Germanistik* 22, 2004, S. 1–7.

⁸⁸ См.: <http://www.uni-tuebingen.de/Deutsches-Seminar/alt/GIFT-homepage/programm.html>.

⁸⁹ Simon 1998b, S. 4.

⁹⁰ На интернет-странице издательства (http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd_simon/publishing.pdf, дата последнего контроля 30.05.2004) анонсировано далее: Simon G.: *Mit Akribie und Bluff ins Zentrum der Macht. Walther Wust und das „Ethymologische und vergleichende Wörterbuch des Altindoarischen“* (= Wörterbcher im 3. Reich; 3). Tübingen, 2005.

⁹¹ Michel 2000.

Основание Марбахского научного центра (1972) – амбициозные планы и их крушение

Карл Отто Конради указывает в своих воспоминаниях о подготовке Мюнхенского конгресса 1966 г. на кружок единомышленников Герберта Зингера, который уже в начале 1965 г. выступил с требованием «создать научную группу для критического изучения истории германистики и пограничных с ней наук».⁹² Вероятно, это и послужило первым толчком к созданию «Центра по изучению истории германистики» при Немецком литературном архиве в Марбахе. Центр был организован в 1972 г. по инициативе «Немецкого союза германистов» прежде всего благодаря Эберхарду Леммерту (председателю «Союза германистов Высшей школы») и Вальтеру Мюллер-Зейдлю («Немецкое шиллеровское общество»).⁹³ Открытие состоялось 14 апреля; от работы центра ожидали очень многое.

Процесс исторического самоосмысливания научной дисциплины, считал Леммерт, будет способствовать выяснению того, «почему занятия германской филологией не были до сих пор подчинены единому плану и почему в будущем необходимо более продуманное их планирование».⁹⁴ Предпосылку такого планирования он видел в «создании истории науки на современном ее этапе»,⁹⁵ под которой подразумевал систематическую работу по библиографическому и реферативному описанию новейших и текущих германистических исследований. Такое «документальное описание текущего научного процесса в форме кратких тезисов» должно было, по мысли ученого, представлять собой «историю науки *sui generis*, которая со своей стороны даст возможность на основе анализа проделанной работы и отбора актуальной тематики планировать дальнейшее развитие; так германистика научится предопределять дальнейший ход своей истории».⁹⁶

Но этим большим надеждам не дано было осуществиться. На один из возможных прогнозов прозорливо указал при создании центра – правда, лишь для того, чтобы предвосхитить возражения противников, – Вальтер Мюллер-Зейдель: «Следует задуматься о том, что мы предполагаем стимулировать научные исследования путем их организации, тогда как логика требует обратного: чтобы сначала появились сами исследования, а только затем формы их организации».⁹⁷ Поскольку центр работал вне рамок университета и к тому же под руководством архивариуса – Бернгарда Целлера,⁹⁸ – ему не удалось дать импульс развитию научных исследований, каковую задачу нынешний руководитель центра Кристоф Кёниг считает принципиально невыполнимой.⁹⁹ Фактически центр работал как специализированный отдел Немецкого литературного архива, «призванный сконцентрировать свои усилия на некоторых задачах, уже и ранее входивших в функции архива».¹⁰⁰ Говоря конкретно, он заслужил уважение тем, что занимался приобретением и обработкой личных архивов крупных германистов и заложил прочную источниковедческую основу – не в последнюю очередь благодаря «каторжному труду»¹⁰¹ Бернгарда Целлера – для историко-научных исследований, в первую очередь о XX в.¹⁰²

⁹² Ср. Conrady 1988, S. 139; ср.: Там же, S. 140–141.

⁹³ Ср. официальную интернет страницу Центра: <http://www.dla-marbach.de/ein-richt/hssa/magg.html>. Об истории Центра см. также: Lammert 1974; Muller-Seidel 1973; 1974; Zeller 1974; Konig 1988; Lammert 1993.

⁹⁴ Lammert 1974, S. 667.

⁹⁵ Ibid., S. 669.

⁹⁶ Ibid., S. 670.

⁹⁷ Muller-Seidel 1974, S. 654.

⁹⁸ О программе работы Целлера, с самого начала реалистической и нацеленной на практический результат, см.: Zeller 1974.

⁹⁹ Konig 1988, S. 377–383.

¹⁰⁰ Muller-Seidel 1974, S. 654.

¹⁰¹ Lammert 1993, S. 10.

¹⁰² Konig 1988, S. 383–405.

Научно-исследовательские программы Немецкого научного общества (DFG) после 1985 г. – изучение истории германистики XVIII–XIX вв.

Подлинный прорыв в области современной, методологически ориентированной истории германистической науки был осуществлен лишь в середине 80-х гг., причем благодаря инициативе самих ученых. Заметным событием, обозначившим начало нового этапа самоосмыслиния, явилось издание Вольфгангом Хаубрихсом и Гер-хардтом Заудером книги «История филологической науки» (1984). Подводя итог предшествующим опытам создания истории германистики, авторы тома трезво отмечают: «Сколь бы интенсивной ни была дискуссия по поводу модели самоописания науки, историю филологических специальностей она едва затронула».¹⁰³ Соображения Куна, Лакатоса и Тулмина¹⁰⁴ не получили, по мнению Хаубрихса и Заудера, резонанса или были восприняты очень поверхностно. Также и бурные споры 60—70-х гг. представляются им лишь «пустоцветом»; Марбахский центр не дал, с их точки зрения, «никакого решительного толчка».¹⁰⁵ Собственная концепция авторов «Истории филологических наук» выдвигает на первый план три элемента: во-первых, высокий уровень методологической рефлексии, предполагающей непрерывную переоценку соотношения исторического и актуального в науке; во-вторых, расширение историко-научного контекста посредством систематического учета развития в языкоznании и в родственных дисциплинах, особенно в романистике; в-третьих, повышение точности исследований, опора на исторические источники, что уже само по себе будет способствовать качественному скачку в изучении истории науки.¹⁰⁶

Большое значение имела начавшаяся в 1985 г. работа над научно-исследовательским проектом «История немецкого литературоведения», организованным по инициативе Немецкого научного общества (DFG). В системе научно-исследовательских учреждений Германии это общество является не только третьим по значению спонсором, но и претендует на роль «центрального органа самоуправления науки».¹⁰⁷ Это означает, что по крайней мере для внешнего наблюдателя всякий новый предмет исследования, новая концепция или методика получают общественное признание, так сказать, «узакониваются» и включаются в научный «канон» лишь после того, как они находят поддержку со стороны DFG. Именно так было в середине 80-х гг. санкционировано и изучение истории германистики.

На этот раз большие ожидания оправдались благодаря деятельности научно-исследовательских групп, возглавляемых Вильгельмом Фоскампом и Юргеном Форманом. Темой монографии Юргена Формана «Проект истории немецкой литературы. Зарождение и кризис историко-литературного подхода к национальной поэзии в период между эпохой гуманизма и формированием Германской империи» является концепция истории, легшая в основу историко-литературных сочинений XIX в. С того момента, показывает Форман, как исторический процесс начинает мыслиться в виде связного нарративного текста, подчиненного рациональной закономерности (например, история как процесс совершенствования человеческого рода у Лессинга), история национальной литературы неизбежно должна была приобрести значение науки, служащей интересам современности, говоря конкретно, доминирующей со времени Освободительных войн социально-политической тенденции к созданию единого национального государства. «История немецкой литературы как история самоутверждения национальной идентичности»¹⁰⁸ – таков «проект», тщательно проанализированный

¹⁰³ Haubrichs, Sauder 1984, S. 7.

¹⁰⁴ Cp.: Kuhn 1976; 1977; Lakatos 1974; Toulmin 1974.

¹⁰⁵ Haubrichs, Sauder 1984, S. 7, 9.

¹⁰⁶ Размышления над концепцией историко-научных исследований см. также в Sauder 1982.

¹⁰⁷ Официальная интернет-страница Общества: <http://www.dfg.de/>.

¹⁰⁸ Fohrmann 1989, S. 1.

на всем протяжении его развития Форманом, от момента зарождения до момента кризиса и упадка.

Два сборника статей, совместно изданные Форманом и Фоскам-пом, – «От сообщества ученых к сообществу специалистов» и «Наука и нация. Исследования по истории литературоведения в Германии»¹⁰⁹ – послужили подготовкой к ими же выпущенному изданию «Германстика XIX в. в историческом развитии» (1994). Книга представляет собой сборник статей, который если и не заменяет собой отсутствующее до сих пор последовательное изложение истории немецкой германистики XIX в., важен тем, что убедительно показывает, насколько такая история сегодня актуальна, насколько традиционные понятия «германстика», «литературоведение», «образование» (*Bildung*) и др. требуют переоценки в интересах текущей научной работы. Наряду с «Историей немецкого литературоведения до конца XIX в.» Клауса Веймара¹¹⁰ издание, осуществленное Форманом и Фоскампом, может служить прочной основой для дальнейших исследований в этой области.¹¹¹ Как и работа Веймара, оно с точки зрения методологии и основательности выводов значительно превосходит популярную и отчасти тенденциозную книгу Йоста Херманда «История германистики»;¹¹² исследование по истории германистики XX в. все еще остается насущной потребностью.

Основание «Марбахской группы по изучению истории германистики» (1988)

Сложившись во второй половине 80-х гг. в самостоятельную область исследований, история германистики нуждалась в институционализации. Начало этому процессу было положено в 1986 г., когда Кристоф Кёниг, защитивший к этому времени докторскую диссертацию на тему «Гофмансталь. Поэт эпохи модернизма в кругу филологов»,¹¹³ возглавил Марбахский центр и через два года создал «Марбахскую группу по изучению истории германистики», силами которой были организованы следующие симпозиумы:

- Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 1910–1925 / Hrsg. von Ch. Konig, E. Lammert. Frankfurt a. M., 1993. S. 9—20.
- Germanistik in Mittel-und Osteuropa 1945–1992: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach am Neckar / Hrsg. von Ch. Konig. Berlin u. a., 1995.
- Jüdische Intellektuelle und die Philologien in Deutschland 1871–1933 / Hrsg. von W. Barner, Ch. Konig. (= Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 3). Gottingen, 1999.
- Zeitenwechsel. Germanistische Literaturwissenschaft vor und nach 1945: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach am Neckar / Hrsg. von W. Barner, Ch. Konig. Frankfurt a. M., 1996.
- Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute / Hrsg. von U. Ha? Ch. Konig. (= Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 4). Gottingen, 2003.

С 1991 г. группа начинает издавать журнал «Публикации Марбахской группы по истории германистики» (с 2003 г. под заголовком «История германистики»),¹¹⁴ где наряду с научными статьями, сообщениями о конференциях и рецензиями публикуется и текущая библиография работ по истории германистики.

Актуальные варианты подходов к истории германистики: «полиперспективизм»

¹⁰⁹ Fohrmann, Voßkamp 1987; 1991.

¹¹⁰ Weimar 1989; 1991; критика позиций Веймара у Fohrmann 1991.

¹¹¹ К истории методов см.: Flashar, Grunder, Horstmann 1979.

¹¹² Hemann 1994.

¹¹³ Konig 1997.

¹¹⁴ Цит. под названиями «Mitteilungen» и «Geschichte der Germanistik».

Ситуация, сложившая в интересующей нас области на настоящий момент, отчетли-
вее всего характеризуется с помощью понятия «по-липерспективизм», введенного Фоскам-
пом.¹¹⁵ В более узком значении под этим подразумевается выход за рамки лишь когнитив-
ного аспекта, включение в область исследования истории научных учреждений, социальных,
политических и прочих условий научного творчества.¹¹⁶ В смысле расширительном поли-
липерспективизм предполагает плорализм исследовательских методов, отвечающий много-
образию предметов исследования. Из этого многообразия мы останавливаемся лишь на трех
аспектах.

В ГДР научная история германистики была делом немногочисленных первопроход-
цев,¹¹⁷ среди них прежде всего следует назвать Райнера Розенберга, который, так же как и
Петра Боден, работал в Центральном институте истории литературы при Академии наук
ГДР.¹¹⁸ Уже в 1981 г. он опубликовал монографию «Десять глав из истории германистики»,
посвященную развитию германистики между 1830 и 1918 г.; в 1989 г. он дополнил этот труд
книгой «Литературоведческая германистика. К истории ее проблем и понятий». После вос-
становления единой Германии Розенберг и Боден перешли в Берлинский центр литератур-
ных исследований и работали над историей науки XX в. с включением в нее германистики
ГДР. В 1997 г. они выпустили совместный труд «Немецкое литературоведение. 1945–1958 гг.
Учреждения, дебаты, лица», половину которого занимают статьи, посвященные литерату-
роведению ГДР: «Университетская германистика в ГДР. Кадровая политика и структурные
изменения в период 1945–1958 гг.» (Петра Боден), «Стиль мышления и кадровая политика
СЕПГ в Немецкой академии наук» (Петер Т. Вальтер), «От Республики ученых к марк-
систскому сообществу ученых-исследователей в Немецкой академии наук. Институт немец-
кого языка и литературы» (Доротея Дорнхоф), «К обоснованию марксистского литературов-
едения в ГДР» (Райнер Розенберг), «Веймарер Бейтреge в период между 1955 и 1961 гг.
Путь журнала к обретению статуса центрального органа марксистского литературоведения
в ГДР» (Гюнтер Шандера и др.), «Литературная критика между партийным заказом и про-
фессионализмом в ГДР 60-х гг.» (Симона Барк).¹¹⁹

Одно из трех научных направлений Берлинского центра литературных исследований
носит название «Изучение литературы и история знания и научной мысли». В рамках этой
темы продолжает свою работу Петра Боден, участвующая в проекте «К научному осмысле-
нию немецкого литературоведения в его связях с естественнонаучными, социальными, тех-
ническими и культурологическими дисциплинами (1890–2000).¹²⁰

Вкладом в изучение истории германистики должен был явиться, с точки зрения орга-
низаторов, и проведенный в 1998 г. по инициативе Сильвио Вьетты и Дирка Кемпера кол-
локвиум «Германистика 70-х гг. Между инновацией и идеологией».¹²¹ В первом разделе
анализируются общие условия развития дисциплины. Юрген Миттель-штрас и Манфред
Бригель (Немецкий центр научных исследований) дают анализ распада дисциплины на ряд
узких филологических специальностей и исследовательских групп и выдвигают требова-
ние ориентироваться на соседние, более устойчивые научные сообщества и на принцип

¹¹⁵ Voßkamp 1987; 1991; Fohrmann 1991a; Hoppner 1995.

¹¹⁶ Kolk 1990; Brenner 1993; Konig 1999; см. также Билефельдский проект DFG: Bogdal K.-M. Neue Universitäten – Neue Germanistik? Institutioneller Wandel, Paradigmenwechsel und disziplinare Organisation in den sechziger und siebziger Jahren: <http://www.uni-bielefeld.de/lili/personen/bogdal/DFG-Projekt>.

¹¹⁷ Rosenberg 1991.

¹¹⁸ Усилиями Центрального института языкоznания Академии наук ГДР был издан также сборник Hahner, Neumann 1985.

¹¹⁹ К положению литературоведения и лингвистики в бывшей ГДР см.: Drews, Lehmann 1991.

¹²⁰ <http://www.zfl.gwz-berlin.de/research/index.htm?what=sub2&projectId=5&show=research>.

¹²¹ Vietta, Kemper 2000.

трансдисциплинарности, следование которому могло бы оказать влияние и на структуру самих входящих в трансдисциплинарное целое предметов. Бернд Цимек, обращаясь к истории образовательных учреждений, рассматривает последствия стихийной экспансии персонала в школах и университетах, приведшей к почти гротесковой стагнации после 1980 г. К общим условиям развития относится и тот импульс к политизации науки после 1968 г., на который обращает внимание Сильвио Вьетта, исследующий формы идеологизации в области литературной историографии и в лекционных курсах, введенных во вновь организованных в те годы университетах. Рольф Гриммингер прослеживает общие тенденции, связывающие науку 70-х гг. с ее развитием на протяжении последних десятилетий. Второй раздел составили доклады, посвященные изучению отдельных историко-научных проблем. Дирк Кемпер предпринимает попытку разграничить идеологию и науку в изучении Гёте, пользуясь для этого инструментарием литературной социологии и рецептивной эстетики. Вальтер Шмиц показывает на примере изучения творчества Бюхнера программные изменения, происходившие в 70-е гг. в сфере научных подходов, организации работы и персонального состава исследователей. Аналогичные структуры обнаруживаются при сравнительном анализе теоретических принципов, которыми пользовались ученые на Востоке и на Западе (Райннер Розенберг), в исследованиях по Гельдерлину (Бернгард Бешенштейн), Брехту (Вальтер Шетткер), в гендерных исследованиях (Дагмар фон Гофф) и в литературной критике (Райнгард Баумгарт).

В третьих, следует указать на особенно интересную и перспективную тенденцию, про слеженную Йоргом Шенертом в 1988 г. на симпозиуме Немецкого научно-исследователь ского центра «Литературоведение и науковедение». Главной задачей симпозиума явилась попытка применения к германистике англо-американской модели «науковедения» (science studies или science of sciense).¹²² Под науковедением понимается при этом интердисциплинарное сочетание теории науки, социологии науки и истории науки, позволяющее сформировать особую точку зрения: «Областью науковедения выступают, в частности, взаимосвязи между обществом, наукой и технологией, порождение, дистрибуция и рецепция научных знаний, соответствующие формы организации, коммуникативные структуры и способы манифестиации наук, габитус участников scientific community, нормы и формы авторефлексии по поводу научной деятельности – или, говоря упрощенно, коммуникативный, социальный и эпистемологический статус науки, а также происходящие в ней изменения и намечающиеся пути развития, которые предполагают нечто большее, чем смену методологических концепций и внутридисциплинарных парадигм. Современная научная политика с характерным для нее стремлением к всеобъемлющей оценке возможностей науки должна бы была затронуть также и филологические дисциплины, побудив их к разработке своих собственных науковедческих оснований для оценки и планирования научной работы с учетом тех оценок, которые даются извне данной дисциплины».¹²³

Эти высокие требования заслуживают несомненного признания, хотя уже сама структура секций на симпозиуме свидетельствует о том, насколько это трудно – сочетать интердисциплинарное науковедение с изучением истории частной дисциплины. Рудольф Штихвеерт (Шёнерт: компетенция социологии науки) руководил секцией «Модели и категории науковедения, актуальные для науки о литературе», Юрген Форман (история филологических специальностей) – секцией «Образцы изучения истории литературоведения в 1890—1950-х гг.», Франк-Рутер Хаусман (история филологических специальностей) – секцией «Образцы изучения истории литературоведения в 1950—1995-е гг.» и Лутц Даннеберг (теория науки) – секцией «Нормативные аспекты науковедения в применении к науке о лите

¹²² Schonert 2000. К вопросу о терминологии см.: Schonert 2000a, S. XVIII.

¹²³ Schonert 2000a, S. XIX, XXIII.

ратуре». По окончании симпозиума Петра Боден поставила закономерный с точки зрения историка германистики вопрос: «Должны ли мы теперь все делать по-другому?»¹²⁴ и, отвечая на него, писала о возможностях, но в первую очередь о трудностях, которые возникают при наложении научеведческой разработанной преимущественно на базе естественных наук методологии на филологический материал. Как бы то ни было, материалы симпозиума дают богатую пищу для размышлений о будущем истории германистики как науки – и к тому же содержат первый, по моим данным, доклад, касающийся русско-немецких связей в области научной истории германистики – исследование Ларисы Полубояриновой на тему «Бахтиология в западном (преимущественно немецком) литературоведении и в постсоветской России».

Первые шаги научной истории германистики в России

В своей уже цитированной мной в эпиграфе статье «О нынешнем состоянии германистики в России. Предварительный отчет» Александр Михайлов называет работу Вячеслава Всеволодовича Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР»¹²⁵ первым предвосхищающим примером русской истории науки,¹²⁶ отмечая при этом, что автор был вынужден утаить более половины имен, о которых он писал, поскольку эти ученые эмигрировали за границу или подверглись идеологической дискредитации.

Подлинным началом истории русской германистики как науки стала, между тем, сама названная статья А. В. Михайлова. Прочерчивая различные перекрещивающиеся линии развития германистики в России, он выдвигает вопрос о том, возможно ли вообще вести речь о русской литературоведческой германистике как об «окончательно сложившейся и самостоятельно существующей дисциплине».¹²⁷ Важным фактором ее недостаточной дифференцированности от других дисциплин Михайлов считает запоздалое развитие системы университетского образования в России, где первый полный университет (с медицинским, юридическим и филологическим факультетами) – Московский университет им. М. В. Ломоносова – был создан лишь в 1755 г.¹²⁸ Так поздно начавшееся развитие университетской науки было затем насильственно прервано в 1917 г. Вторым специфически русским фактором является, согласно А. В. Михайлову, холистический характер русского мышления, «особая, обусловленная традицией философия знания и понимания науки». «Идеал „целокупного знания“ приводил к тому, что выше всего ценилась способность выйти за рамки отдельной дисциплины, в них не замыкаться... И впоследствии ученые неохотно делали выбор в пользу какой-то одной дисциплины».¹²⁹

Воплощением же «целого» служила идея всемирной литературы, и потому дисциплинарные границы воспринимались как насильственное сужение горизонта. Этим объясняется, в частности, почему в России до сих пор отсутствуют кафедры истории немецкой литературы или германского литературоведения.

Третий фактор, оказавший влияние на германистику в недавнем прошлом, заключается, по Михайлова, в характере советской системы, означавшей длительное «преобладание нигилистических установок» и способствовавшей «разгрому науки».¹³⁰ С явной опорой на собственный опыт Михайлов описывает Академию наук, где он работал в Институте мировой

¹²⁴ Boden 2003.

¹²⁵ Иванов 1976.

¹²⁶ Michailow 1995, S. 192.

¹²⁷ Michailow 1995, S. 183.

¹²⁸ Ruegg 1993, Bd 2, S. 113.

¹²⁹ Michailow 1995, S. 188.

¹³⁰ Ibid., S. 190.

литературы, как последнее прибежище подлинной науки в «годы террора».¹³¹ Вот почему он говорит, что история русской науки должна стать еще и «мартирологом»,¹³² сохраняющим память о тех, кто в условиях распада литературоведения на «официальное» и «подпольное»¹³³ осмеливался, не считаясь с многочисленными лишениями, продолжать ту академическую традицию, носителями которой были А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев и В. Н. Топоров.

Следствием этой ситуации явился, с точки зрения Михайлова, особый габитус русских ученых-литературоведов. В России не было, по существу, «только-германистов» (*Nur-Germanisten*), зато были «не только-германисты» (*Nicht-nur-Germanisten*) и «еще-и-германисты» (*Auch-noch-Germanisten*), и это обстоятельство дополнитель но затрудняло формирование германистики как отдельной научной специальности.

Формулируя главный вывод, который история русской германистики должна сделать из своего прошлого, Михайлов писал: «Семьдесят лет советской власти оставили развалины: люди, имена, тексты, рукописи, документы – все затерялось, рассеялось по свету. Все это еще предстоит собрать, предстоит осмыслить то, чему мы, как можно надеяться, научились в эти годы: что это значит, работать в науке, что это значит, быть ученым-гуманитарием. Опыт России – экзистенциальный, он учит тому, что едва ли знают ученые Запада, – что работа над историей духовной культуры – всегда риск, всегда тесно связана с опасностью для жизни».¹³⁴

Слова А. В. Михайлова были услышаны. Основанный в ноябре 2003 г. «Российский союз германистов» (РСГ),¹³⁵ председателем которого стала ученица Михайлова профессор Н. С. Павлова, провел свою учредительную конференцию под знаком обращения к истории литературоведческой германистики, а намеченная на ноябрь 2004 г. вторая конференция РСГ продолжит эту работу в области лингвистики.

Перевод с нем. А. И. Жеребина

Литература

Иванов 1976 – Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.

Bahner, Neumann 1985 – Sprachwissenschaftliche Germanistik. Ihre Herausbildung und Begründung / Hrsg. von W. Bahner, W. Neumann. Berlin, 1985.

Barck 1997 – Barck S. Literaturkritik zwischen Parteiauftrag und Professionalität in der DDR der sechziger Jahre // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965: Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1985; 1997. S. 333–346.

Barner, Konig 1996 – Zeitenwechsel. Germanistische Literaturwissenschaft vor und nach 1945: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach am Neckar / Hrsg. von W. Barner, Ch. Konig. Berlin, 1985; 1997. S. 333–346. Frankfurt a. M., 1996.

Barner, Konig 1996a – Barner W., Konig Ch. Einführung // Zeitenwechsel. Germanistische Literaturwissenschaft vor und nach 1945 / Hrsg. von W. Barner, Ch. Konig. Frankfurt a. M., 1996, S. 9—16.

Barner, Konig 1999 – Jüdische Intellektuelle und die Philologien in Deutschland 1871–1933 / Hrsg. von W. Barner, Ch. Konig. Göttingen, 1999. (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 3).

¹³¹ Ibid., S. 198.

¹³² Ibid., S. 198.

¹³³ Ibid., S. 197.

¹³⁴ Ibid., S. 191.

¹³⁵ Информация по адресу: www.daad.ru/rsg.

- Baumgart 2000 – Baumgart R. Literaturkritik der siebziger Jahre. Ein Fallbeispiel // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 311–326.
- Boden 1997 – Boden P. Universitätsgermanistik in der SBZ/DDR. Personalpolitik und struktureller Wandel 1945–1958 // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965.
- Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997. S. 119–149. Boden 2003 – Boden P. Müssen wir alles anders machen? [Rezension von Schonert 2000] // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Literatur, IASL-online, <http://iasl.uni-muenchen.de/rezensio/liste/Boden.html>. Boschenstein 2000 – Boschenstein B. Holderlin-Forschung. Text und Kontext —
- Anstoße und Antworten // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 201–218. Brenner 1993 – Geist, Geld und Wissenschaft. Arbeits- und Darstellungsformen von Literaturwissenschaft / Hrsg. von P. J. Brenner. Frankfurt a. M., 1993. Briegel 2000 – Briegel M. Rahmenbedingungen durch Forderung // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 151–168. Brinkmann 1934 – Brinkmann H. Die deutsche Berufung des Nationalsozialismus. Jena, 1934.
- Brunner, Conze, Koselleck 1972 – Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. 8 Bde. Stuttgart, 1972–1997.
- Conrady 1967 – Conrady K. O. Deutsche Literaturwissenschaft und Drittes Reich // Nationalismus in Germanistik und Dichtung. Dokumentation des Germanistentages in München vom 17.–22. Oktober 1966 / Hrsg. von B. von Wiese, R. Henß. Berlin, 1967. S. 37–60.
- Conrady 1988 – Conrady K. O. Miterlebte Germanistik. Ein Rückblick auf die Zeit vor und nach dem Münchner Germanistentag von 1966 // Diskussion Deutsch. 19. 1988. S. 126–143.
- Dainat 2003 – Dainat H. Erinnerungsarbeit: Ein Vorwort // Literaturwissenschaft und Nationalsozialismus / Hrsg. von H. Dainat, L. Danneberg. Tübingen, 2003. S. 1–12.
- Dainat, Danneberg 2003 – Literaturwissenschaft und Nationalsozialismus / Hrsg. von H. Dainat, L. Danneberg. Tübingen, 2003.
- Dornhof 1997 – Dornhof D. Von der «Gelehrtenrepublik» zur marxistischen Forschungsgemeinschaft an der Deutschen Akademie der Wissenschaften. Das Institut für deutsche Sprache und Literatur // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965. Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997. S. 173–202.
- Drews, Lehmann 1991 – Dialog ohne Grenzen: Beiträge zum Bielefelder Kolloquium zur Lage von Linguistik und Literaturwissenschaft in der ehemaligen DDR / Hrsg. von J. Drews, Ch. Lehmann. Bielefeld, 1991. (Bielefelder Schriften zu Linguistik und Literaturwissenschaft; 1).
- Dunninger 1957 – Dunninger J. Geschichte der deutschen Philologie // Deutsche Philologie im Aufri?. 1. Bd. / Hrsg. von W. Stammel. 2. Aufl. Berlin, 1957. S. 83–222.
- Flashar, Grunder, Horstmann 1979 – Philologie und Hermeneutik im 19. Jahrhundert. Zur Geschichte und Methodologie der Geisteswissenschaften / Hrsg. von H. Flashar, K. Grunder, A. Horstmann. Göttingen, 1979.
- Fohrmann 1989 – Fohrmann J. Das Projekt der deutschen Literaturgeschichte. Entstehung und Scheitern einer nationalen Poesiegeschichtsschreibung zwischen Humanismus und Deutschem Kaiserreich. Stuttgart, 1989.
- Fohrmann 1991 – Die Literaturwissenschaft beobachtet die Literaturwissenschaft. Zu Klaus Weimars «Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft» und zur Ausrichtung wissenschaftshistorischer Forschung // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. 16. 1991. S. 139–148.

Fohrmann 1991a – Fohrmann J. Organisation, Wissen, Leistung. Konzeptuelle Überlegungen zu einer Wissenschaftsgeschichte der Germanistik // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Literatur (IASL). 16. 1991. S. 110–125. Auch unter: <http://iasl.uni-muenchen.de/register/Fohrmann.html>.

Fohrmann, Vo?kamp 1987 – Fohrmann J., Vo?kamp W. Von der gelehrten zur disziplinaren Gemeinschaft. Stuttgart, 1987. (Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 61. 1987; Sond.-Hf.).

Fohrmann, Vo?kamp 1991 – Wissenschaft und Nation. Studien zur Entstehungsgeschichte der deutschen Literaturwissenschaft / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Vo? – kamp. München, 1991.

Fohrmann, Vo?kamp 1994 – Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Vo?kamp. Stuttgart, 1994.

Gaul-Ferenschild 1993 – Gaul-Ferenschild H. National-volkisch-konservative Germanistik: Kritische Wissenschaftsgeschichte in personengeschichtlicher Darstellung. Bonn, 1993.

Geschichte der Germanistik – Geschichte der Germanistik. Mitteilungen: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach im Auftrag des Marbacher Arbeitskreises für Geschichte der Germanistik. Göttingen, 2003. Hf. 23/24.

Grawe 1994 – Grawe Ch. Das Beispiel Schiller. Zur Konstituierung eines Klassikers in der Öffentlichkeit des 19. Jahrhunderts // Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Vo?kamp. Stuttgart, 1994. S. 638–668.

Greß 1971 – Greß F. Germanistik und Politik. Kritische Beiträge zur Geschichte einer nationalen Wissenschaft. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1971.

Grimminger 2000 – Grimminger R. Krisen, Innovationen und andere Erbschaften. Drei Jahrzehnte Germanistik // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 59–82.

Haß, König 2003 – Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute / Hrsg. von U. Haß, Ch. König. Göttingen, 2003. (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 4).

Haubrichs, Sauder 1984 – Wissenschaftsgeschichte der Philologien / Hrsg. von W. Haubrichs, G. Sauder. Göttingen, 1984. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 14. 1984; Hf. 53/54).

Hermand 1994 – Hermand J. Geschichte der Germanistik. Reinbek bei Hamburg, 1994.

Hoff 2000 – Hoff D. von. Literatur- und Geschlechterforschung. Eine wissenschaftsgeschichtliche Betrachtung // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 293–310.

Hoppner 1995 – Hoppner W. Mehrfachperspektivierung versus Ideologiekritik. Ein Diskussionsbeitrag zur Methodik der Wissenschaftsgeschichtsschreibung // Zeitschrift für Germanistik N. F. 5. 1995. S. 49–54. Auch unter: <http://www.ib.hu-berlin.de/~dlit/method.htm>.

Humboldt 1963 – Humboldt W. von. Werke in fünf Banden / Hrsg. von A. Flitner, K. Giel. Darmstadt, 1963.

Janota 1980 – Eine Wissenschaft etabliert sich. 1810–1870 / Hrsg. von J. Janota. Tübingen, 1980.

Kemper 2000 – Kemper D. Nun sag', wie hast du's mit der Revolution – Das Ringen um eine neue Kulturpolitik und Wissenschaftskonzeption im Spiegel der GoetheForschung // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 169–200.

Kemper 2003 – Kemper D. Moderneforschung als literaturwissenschaftliche Methode // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch 03. GUS / Hrsg. von M. Vollstedt im Auftrag des DAAD. Moskau, 2003. S. 161–202.

- Kemper 2004 – Kemper D. «Ineffable» – Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München, 2004.
- Kolk 1990 – Kolk R. Berlin oder Leipzig? Eine Studie zur sozialen Organisation der Germanistik im «Nibelungenstreit». Tübingen, 1990.
- Konig 1988 – Konig Ch. von. Fachgeschichte im Deutschen Literaturarchiv. Programm und erste Ergebnisse // Jahrbuch der Deutschen Schiller-Gesellschaft. 32. 1988. S. 377–405.
- Konig 1995 – Germanistik in Mittel- und Osteuropa 1945–1992: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach am Neckar / Hrsg. von Ch. Konig. Berlin u. a., 1995.
- Konig 1997 – Konig Ch. Hofmannsthal. Ein moderner Dichter unter den Philologen. Göttingen, 2001. (Marbacher Wissenschaftsgeschichte; 2). (Zugl.: Berlin, Humboldt Univ., Habil.-Schr. 1997).
- Konig 1999 – Konkurrenten in der Fakultät. Kultur, Wissen und Universität um 1990: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach / Hrsg. von Ch. Konig. Frankfurt a. M., 1999.
- Konig 2003 – Internationales Germanistenlexikon 1800–1950 / Hrsg. von Ch. Konig. [als Buch:] 3 Bde. Berlin; New York, 2003; [als CD-Rom:] Berlin; N. Y., 2003.
- Konig, Lammert 1993 – Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 1910 bis 1925 / Hrsg. von Ch. Konig, E. Lammert. Frankfurt a. M., 1993.
- Konig, Müller, Rocke 2000 – Wissenschaftsgeschichte der Germanistik in Porträts / Hrsg. von Ch. Konig, H.-H. Müller, W. Rocke. Berlin; N. Y., 2000.
- Koselleck 1972 – Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 1. Stuttgart, 1972, S. XIII–XXVII.
- Krohn 2003 – Krohn W. Wissenschaftstheorie // Enzyklopädie Philosophie / Hrsg. von H. J. Sandkuhler unter Mitwirkung von D. Patzold, A. Regenbogen und P. Stekeler-Weithofer. [Printedition:] 2 Bde. Hamburg, 1999. [CD-ROM-Edition:] Hamburg, 2003. 2. Bd. S. 1773–1778.
- Kruckis 1994 – Kruckis H.-M. Goethe-Philologie als Paradigma neuphilologischer Wissenschaft // Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Voßkamp. Stuttgart, 1994. S. 334–450.
- Kuhn 1976 – Kuhn Th. S. Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1976.
- Kuhn 1977 – Kuhn Th. S. Die Entstehung des Neuen. Frankfurt a. M., 1977.
- Lakatos 1974 – Lakatos I. Die Geschichte der Wissenschaft und ihre rationale Rekonstruktion // Theorien der Wissenschaftsgeschichte / Hrsg. von W. Diederich. Frankfurt a. M., 1974. S. 55–119.
- Lammert 1966 —Lammert E. Germanistik—eine deutsche Wissenschaft // Nationalsozialismus und die deutsche Universität. Universitätstage 1966: Veröffentlichung der Freien Universität Berlin; Mit Beitr. von W. Abendroth u. a. Berlin (West), 1966. S. 76–91.
- Lammert 1967 – Lammert E. Germanistik – eine deutsche Wissenschaft // Nationalismus in Germanistik und Dichtung: Dokumentation des Germanistentages in München vom 17–22. Oktober 1966 / Hrsg von B. von Wiese, R. Hen?. Berlin, 1967. S. 15–36.
- Lammert 1974 – Lammert E. Wissenschaftsgeschichte und Forschungsplanung // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft: Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972 / Hrsg. von W. Müller-Seidel. München, 1974. S. 663–685.
- Lammert 1993 – Lammert E. Marbacher Impulse für die Geschichte der Germanistik // Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 1910 bis 1925 / Hrsg. von Ch. Konig, E. Lammert. Frankfurt a. M., 1993. S. 9–20.

Lempicki 1968 – Lempick S. von. Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Gottingen, 1920; 2., durchgesehene, um ein Sach– und Personenregister sowie ein chronologisches Werkverzeichnis vermehrte Aufl. Gottingen, 1968.

Lerchenmuller, Simon 1997 – Lerchenmuller J., Simon G. u. a. Im Vorfeld des Massenmordes. Germanistik und Nachbarfacher im 2. Weltkrieg: Eine Übersicht. Tubingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1997.

Michailow 1995 – Michailow A. Zum heutigen Stand der Germanistik in Ru?land. Ein vorläufiger Bericht // Germanistik in Mittel– und Osteuropa 1945–1992: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach am Neckar / Hrsg. von Ch. Konig. Berlin u. a., 1995. S. 183–201.

Michel 2000 – Michel V. GIFT: Kriminalgeschichte der Germanistik im Nationalsozialismus // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der Literatur, IASL-on-line, 11.12.2000: <http://iasl.uni-muenchen.de/rezensio/liste/michel.htm>:

Mitteilungen – Mitteilungen. Marbacher Arbeitskreis für Geschichte der Germanistik: Eine Veröffentlichung der Arbeitsstelle für die Erforschung der Geschichte der Germanistik im Deutschen Literaturarchiv Marbach, eine Veröffentlichung der Deutschen Schillergesellschaft e.V. Gottingen, 1991–2002. Hf. 1—21/22.

Mittelstra? 2000 – Mittelstra? J. Wissenschaftsreform als Universitätsreform // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 129–150.

Müller, Jorg Jochen 1974 – Germanistik und deutsche Nation 1806–1848. Zur Konstitution burgerlichen Bewu?tseins / Hrsg. von J. J. Müller. Stuttgart, 1974. (Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaft; 2).

Müller-Seidel 1973 – Müller-Seidel W. Geschichte der Germanistik. Zur Begründung der Arbeitsstelle in Marbach am 14. April 1972 // Jahrbuch der Deutschen Schillergesellschaft. 17. 1973. S. 584–588.

Müller-Seidel 1974 – Müller-Seidel W. Zur Eroffnung der Arbeitsstelle für Geschichte der Germanistik // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft: Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972 / Hrsg. von W. Müller-Seidel.

München, 1974. S. 653–656.

Nutz 1994 – Nutz M. Das Beispiel Goethe. Zur Konstituierung eines nationalen Klassikers // Wissenschaftsgeschichte der Germanistik im 19. Jahrhundert / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Vo?kamp. Stuttgart, 1994. S. 605–637.

Paul 1891 – Paul H. Geschichte der germanischen Philologie // Grundri? der germanischen Philologie. 1. Bd. / Hrsg. von H. Paul. Stra?burg, 1891. S. 9—151.

Polouboiarinova 2000 – Polouboiarinova L: «Bachtinologie» in der westlichen (insbesondere deutschen) Literaturwissenschaft und in Postsowjetru?land // Literaturwissenschaft und Wissenschaftsforschung / Hrsg. von J. Schonert. Stuttgart; Weimar, 2000. (Germanistische Symposien-Berichtsbande; 21; DFG-Symposion 1988). S. 382–398.

Raumer 1870 – Raumer R. von. Geschichte der Germanischen Philologie vorzugsweise in Deutschland. München, 1870. (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit; 9).

Rei? 1973 – Materialien zur Ideologiegeschichte der deutschen Literaturwissenschaft. Von Wilhelm Scherer bis 1945 / Hrsg. von G. Rei?. 2 Bde. Tübingen, 1973.

Rosenberg 1981 – Rosenberg R. Zehn Kapitel zur Geschichte der Germanistik. Literaturgeschichtsschreibung. Berlin (DDR), 1981.

Rosenberg 1989 – Rosenberg R. Literaturwissenschaftliche Germanistik. Zur Geschichte ihrer Probleme und Begriffe. Berlin, 1989.

- Rosenberg 1990 – Rosenberg R. Eine verworrene Geschichte. Vorüberlegungen zu einer Biographie des Literaturbegriffs // LiLi: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 20. 1990. S. 36–65.
- Rosenberg 1991 – Rosenberg R. Zur Geschichte der literaturwissenschaftlichen Germanistik in der DDR // Wissenschaft und Nation. Studien zur Entstehungsgeschichte der deutschen Literaturwissenschaft / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Voßkamp. München, 1991. S. 29–42.
- Rosenberg 1997 – Rosenberg R. Zur Begründung der marxistischen Literaturwissenschaft in der DDR // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965. Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997. S. 203–240.
- Rosenberg 2000 – Rosenberg R. Literarisch / Literatur // Ästhetische Grundbegriffe. Historisches Wörterbuch in sieben Banden / Hrsg. von K. Barck u. a. Stuttgart; Weimar, 2000. 3. Bd. S. 665–693.
- Rosenberg 2000a – Der Geist der Unruhe. 1968 im Vergleich. Wissenschaft – Literatur – Medien / Hrsg. von R. Rosenberg; Unter Mitarb. von Gabriele Gast. Berlin, 2000.
- Rosenberg 2000b – Rosenberg R. Die deutsche Literaturwissenschaft in den siebziger Jahren. Ansätze zu einem theoriegeschichtlichen Ost-West-Vergleich // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 83–100.
- Rosenberg 2003 – Rosenberg R. Verhandlungen des Literaturbegriffs. Studien zur Geschichte und Theorie der Literaturwissenschaft. Berlin, 2003. (LiteraturForschung).
- Rosenberg, Boden 1997 – Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965. Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997.
- Ruegg 1993 – Geschichte der Universität in Europa / Hrsg. von W. Ruegg. 4 Bde. München, 1993.
- Sauder 1982 – Sauder G. Fachgeschichte und Standortbestimmung // Erkenntnis und Literatur: Theorien, Konzepte, Methoden der Literaturwissenschaft / Hrsg. von D. Harth, P. Gebhardt. Stuttgart, 1982. S. 321–343.
- Schandera u. a. 1997 – Schandera G., Bomke H., Ende D., Schade D. Die «Weimarer Beiträge» zwischen 1955 und 1961. Eine Zeitschrift auf dem Weg zum «zentralen Organ der marxistischen Literaturwissenschaft in der DDR» // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965. Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997. S. 261–332.
- Schmitz 2000 – Schmitz W. «Ein Huhn im Topf jedes Bauern macht den gallischen Hahn verenden». Umpolung eines Forschungsfeldes: Zur Buchner-Forschung seit den siebziger Jahren // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 219–268.
- Schonert 2000 – Literaturwissenschaft und Wissenschaftsforschung / Hrsg. von J. Schonert. Stuttgart; Weimar, 2000. (Germanistische-Symposien-Berichtsbande; 21; DFG-Symposium 1988). S. XVII–XXVI.
- Schonert 2000a – Schonert J. Einführung zum Symposium // Schonert J. Literaturwissenschaft und Wissenschaftsforschung. Stuttgart; Weimar, 2000. (= Germanistische-Symposien-Berichtsbande; 21; DFG-Symposium 1988). S. XVII–XXVI.
- Schottker 2000 – Schottker D. Politisierung eines Klassikers. Brecht-Forschung zwischen Widerspiegelungstheorie und Avantgärdismus // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 269–292.
- Simon 1998 – Simon G. Germanistik in den Planspielen des Sicherheitsdienstes der SS. 1. Teil. Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998.
- Simon 1998a – Simon G. Die hochfliegenden Pläne eines «nichtamtlichen Kulturministers». Erich Gierachs «Sachwörterbuch der Germanenkunde». Tübingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998. (Wörterbcher im 3. Reich; 1).

- Simon 1998b – Simon G. Blut– und Boden-Dialektologie. Eine NS-Linguistin zwischen Wissenschaft und Politik. Tubingen: Verlag der Gesellschaft für interdisziplinäre Forschung, 1998. (Worterbücher im 3. Reich; 2).
- Stammel 1962 – Deutsche Philologie im Aufriß? / Hrsg. von W. Stammel. 2., überarb. Aufl. Bd. 3. Berlin, 1962.
- Steinfeld 1997 – Steinfeld Th. Das Ende der Philologie // Merkur. 51. 1997. S. 204–214.
- Toulmin 1974 – Toulmin S. E. Die evolutionäre Entwicklung der Naturwissenschaften // Theorien der Wissenschaftsgeschichte / Hrsg. von W. Diederich. Frankfurt a. M., 1974. S. 249–275.
- Viator 1933 – Viator K. Die Wissenschaft vom deutschen Menschen in dieser Zeit // Zeitschrift für deutsche Bildung. 9. 1933.
- Vietta 2000 – Vietta S. Kanon- und Theorieverwerfungen in der Germanistik der siebziger Jahre // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 9—58.
- Vietta, Kemper 2000 – Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000.
- Voßkamp 1987 – Voßkamp W. Für eine systematische Erforschung der Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft // Von der Gelehrten zur disziplinären Gemeinschaft / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Voßkamp. Stuttgart, 1987. S. 1*—6*. (DVjs-Sond.-Hf. 1987).
- Voßkamp 1991 – Voßkamp W. Zur Wissenschaftsgeschichte der deutschen Literaturwissenschaft in der Bundesrepublik // Wissenschaft und Nation. Studien zur Entstehungsgeschichte der deutschen Literaturwissenschaft / Hrsg. von J. Fohrmann, W. Voßkamp. München, 1991. S. 17–28.
- Voßkamp 1993 – Klassik im Vergleich. Normativität und Historizität europäischer Klassiken / Hrsg. von W. Voßkamp. Stuttgart u. a., 1993. (Germanistische Symposien-Berichtsbande; 13. DFG-Symposium 1990).
- Walther 1997 – Walther P. Th. Denkraster- und Kaderpolitik der SED in der Deutschen Akademie der Wissenschaften // Deutsche Literaturwissenschaft 1945–1965.
- Fallstudien zu Institutionen, Debatten, Personen / Hrsg. von R. Rosenberg, P. Boden. Berlin, 1997. S. 161–172.
- Weimar 1989 – Weimar K. Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. München, 1989.
- Weimar 1991 – Weimar K. Über das derzeitige Verhältnis der deutschen Literaturwissenschaft zu ihrer Geschichte // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. 16. 1991. S. 149–156.
- Weimar 1993 – Weimar K. Das Muster geistesgeschichtlicher Darstellung. Rudolf Unger Einleitung zu «Hamann und die Aufklärung» // Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 1910 bis 1925 / Hrsg. von Ch. König, E. Lammert. Frankfurt a. M., 1993. S. 92–105.
- Weimar 2000 – Weimar K. Literatur // Reallexikon zur deutschen Literaturwissenschaft. Neubearbeitung des Reallexikons zur deutschen Literaturgeschichte / Hrsg. von K. Weimar, H. Fricke, J.-D. Müller. 3 Bde. Berlin; N. Y., 2000–2003. 2. Bd. S. 443–448.
- Zeller 1974 – Zeller B. Ansprache zur Eroffnung // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972 / Hrsg. von W. Müller-Seidel. München, 1974. S. 657–661.
- Zymek 2000 – Zymek B. Historisch beispiellos einflußreich? Schul- und hochschulstrukturelle Eckdaten einer Wissenschaftsgeschichte der Germanistik in der Bundesrepublik Deutschland während der siebziger Jahre // Germanistik der siebziger Jahre. Zwischen Innovation und Ideologie / Hrsg. von S. Vietta, D. Kemper. München, 2000. S. 101–128.